

В. В. Валах

кандидат юридических наук

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,

кафедра гражданско-правовых дисциплин

Французский бульвар, 24/26, Одесса, 65058, Украина

адвокат

Юридическое агентство «С. В. С.»

ул. Одесская, 43-а, Одесса, 65031, Украина

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ
КОНСТРУКЦИИ «ПРАВО НА ПРАВО» В УКРАИНСКОМ
И РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

В статье на основе анализа доктринальных положений и норм действующего законодательства делаются обоснованные выводы о необходимости признания конструкции «право на право» юридической фикцией, необходимой для оформления оборота прав в их «чистом» виде.

Ключевые слова: конструкция «право на право», имущественное право, имущественное право-объект, юридическая фикция.

В современной цивилистике продолжает доминировать точка зрения о том, что субъективные права и юридические обязанности составляют содержание правоотношения [1, с. 54]. Обращает на себя внимание тот факт, что такая позиция на первый взгляд кажется несовместимой с предписанием ч. 2 ст. 190 Гражданского кодекса Украины [2] (далее — ГКУ), согласно которому имущественные права и обязанности, наряду с вещами, считаются имуществом как особым объектом гражданских прав. Аналогичное положение содержится и в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее — ГК РФ). Действительно, содержание правоотношения не может быть в то же время его объектом. Однако, раз уж позиция украинского и российского законодателя четко определена и находит свое развитие и в других нормах (см., напр.: ст. 411, ч. 3 ст. 415, п. 1 ч. 1 ст. 512, ч. 2 ст. 656, 1218 и др. ГКУ, ч. 1 ст. 13 Закона Украины «О хозяйственных обществах»; ст.ст. 267, 294, 296, ч. 1 ст. 382, ч. 4 ст. 454, абз. 1 ст. 1112 ГК РФ, ч. 1 ст. 15 ФЗ РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и др.), не следует ею пренебрегать.

Проблема как самого существования, так и практической реализации концепции «право на право» не нова. Ей в своих трудах уделяли достаточно много внимания такие дореволюционные юристы, как Ю. С. Гамбаров, Н. Л. Дювернуа, Д. И. Мейер, С. А. Муромцев, Г. Ф. Шершеневич. В советский период суждения о невозможности существования имущественных прав в качестве объектов иных гражданских прав нашли свое отражение в работах С. С. Алексеева, С. Н. Братуся, О. С. Иоффе, Б. Б. Черепихина. С обретением Украиной независимости, а точнее — с принятием в 2003

году нового ГКУ поставленная еще в конце XIX века проблема заслуженно потребовала к себе пристального внимания как со стороны ученых, так и со стороны практиков. Однако, к сожалению, мы можем указать лишь некоторых российских ученых, которые отнеслись к ней со всей серьезностью, не претендуя при этом на полноту проведенных ими исследований. К последним, в частности, следует отнести В. А. Белова, В. А. Лапача, А. Н. Латыева, А. В. Трофименко и А. С. Яковлева.

Препятствием к широкому использованию указанной конструкции является, по нашему мнению, отсутствие подробных нормативных предписаний относительно ее использования и уже отмечавшееся отсутствие профессиональной юридической литературы. Данные обстоятельства не были бы препятствием к нормальному развитию ситуации при условии, что уровень профессиональных знаний и навыков толкования и применения норм права большинством юристов (в частности, нотариусов, судей) был бы безупречным. Между тем случай причисления имущественных прав к объектам гражданских прав представляет собой как раз тот редкий пример, когда конструкция, совершенно не разработанная в науке, оказалась внесенной в законодательство.

Целью данной статьи является изучение конструкции «право на право» посредством анализа соответствующих теоретических взглядов и законодательных предписаний, определение ее места в современном украинском гражданском праве, возможности и целесообразности ее использования.

Несмотря на попытки некоторых ученых отыскать истоки существования субъективного гражданского права, объектом которого является иное право, в римском частном праве [4, с. 12–13], существованию исследуемой конструкции мы обязаны немецкому праву конца XIX — начала XX вв. Мнения немецких ученых по вопросу о том, могут ли права быть объектами субъективных прав, разделились. В частности, Э. И. Беккер утверждал, что имущество есть комплекс оборотоспособных, допускающих денежную оценку имущественных прав [5, с. 45–46]. Ф. Леонгард, в свою очередь, являлся приверженцем идеи бессубъектных прав: субъективное право не есть нечто активное, а есть простое состояние, следовательно, нечто пассивное, так что, строго говоря, нужно было бы говорить не «имеет право», а «быть вправе» [6, с. 23–25]. Э. Р. Бирлинг под объектом права (объектом правоотношения) понимал то, что нормы права, представляющие содержание правоотношения, требуют от одного из его субъектов, на которого они прямо направлены, или, иными словами, будущее, безразлично, положительное или отрицательное, абсолютное или относительное определенное поведение (действие или бездействие) обязанного лица [7, с. 153].

Указанные позиции подверглись жесткой критике Ф. Регельсбергера, который утверждал, что в имуществе лица возможно «сплочение» составных его частей с образованием юридических единств, именуемых специальным имуществом, которое, несмотря на принадлежность к имуществу лица, регулируется правом особым образом. Такими специальными имущественными образованиями являются принятое наследниками или исполнителем завещания наследство; имущество, выделенное как пекулий,

фидеикомисс или конкурсная масса; доля участника в имуществе открытого торгового общества или же командитиста в имуществе командитного общества. То существенно общее, что объединяет эти виды имуществ в специальные, состоит в том, что они сами по себе или же в совокупности с иным имуществом должника призваны служить средством для удовлетворения требований отдельных кредиторов преимущественно перед другими кредиторами [8, с. 357–360]. Как следствие, по мнению немецкого ученого, имущество представляет собой совокупность выраженных в денежной форме правовых отношений, субъектом которых выступает обладатель имущества. При этом подчеркивается, что в имущество включаются именно правовые отношения, но не их объекты [8, с. 363].

В свою очередь Л. Эннеккерус пишет, что «весьма спорно, может ли право, в свою очередь, явиться объектом права (можно ли, например, само право требования мыслить как объект пользования или залогового права на требования). На этот вопрос должен быть дан утвердительный ответ, так как в подобных случаях налицо имеются правомочия воздействовать на право (на право требования). Но всегда имеются наряду с этим также и другие существенные правомочия, которые относятся не к самому праву, а к его объекту. В этом отношении «права на права» обладают той же природой, но с более ограниченным содержанием, чем лежащее в их основе (ими ограничиваемое); «права на права» могут пережить лежащее в основе их право. «Права на права» содержат, следовательно, правомочия, которые относятся к самому праву, и правомочия, которые относятся к его объекту» [9, с. 258–259].

Несмотря на указанные противоречия и острые дискуссии, по замыслу немецкого законодателя, нашедшему свое отражение в ГК Германии, права наряду с вещами сегодня могут являться объектом права собственности и иных вещных прав. Конструкция «право на право» рассматривается в любом немецком учебнике или учебном пособии по вещному праву. После реформы обязательственного права Германии в 2002 году в ГК Германии был введен новый § 453 «Rechtskauf» («Купля-продажа прав»). Такое положение дел в Германии, а также сравнительно недавнее введение в российское и украинское законодательства подобной конструкции в последнее время вызывает повышенный интерес к немецкому аналогу [10, с. 18–19; 11].

Не останавливаясь на характеристике немецкого варианта конструкции «право на право», согласимся лишь с мнением Л. Ю. Василевской о том, что «в германской догматике следует различать абсолютность вещного права (права собственности или иного ограниченного вещного права) и относительность вещного по своей природе правопритязания, вытекающего из него» [12, с. 366–367]. Предложенный ею подход к объяснению уступки в германской конструкции «право на право» через диалектику абсолютного и относительного в праве дает возможность «избежать, с одной стороны, вульгаризации в объяснении сложных положений ГГУ, а с другой — поспешных выводов, в частности о невозможности права быть объектом вещного права» [12, с. 380].

В отечественном праве проблема существования конструкции «право на право» связана с разрешением коллизии о том, может ли содержание правоотношения одновременно быть его объектом. По данному поводу существуют две точки зрения. Согласно одной из них субъективные права (имущественные права по терминологии ГКУ) не могут быть объектами других прав. Сторонником этой идеи по праву можно считать российского цивилиста В. А. Белова. В качестве доводов он указывает на то, что содержание правоотношения не может быть объектом хотя бы и другого правоотношения. Кроме того, любое право всегда принадлежит конкретному субъекту — кредитору или управомоченному лицу. Для функционирования в качестве объектов оборота, имущественные права должны отделиться от их носителя. Но бессубъектных прав не существует. А, например, «передача права предполагает наличие хотя бы и бесконечно малого по продолжительности момента времени, когда одно лицо право уже передало, а другое еще не приняло» [13, с. 17]. А значит, невозможна и передача прав. Таким образом, заключают представители данной точки зрения, имущественные права не должны быть объектом гражданского права, ни в составе более общей категории «имущество», ни в качестве особого объекта гражданских прав. Того же мнения придерживаются и другие ученые, правда, с несколько иной аргументацией. Так, в частности, отмечается, что право — это идеальный феномен, который не может передаваться именно в силу своей идеальности. Термин «передача» свойствен вещам, предметам материального мира. Право же моментально возникает и прекращается. Поскольку право — явление идеального свойства, то и нет никаких временных промежутков между его прекращением и возникновением [14]. По мнению А. О. Рыбалова, в конструкции «право на право» нет необходимости, так как «абсолютное имущественное право описывает принадлежность имущества, что излишне в случае с требованием. Возможность отчуждения требования не означает возможности признания его объектом права, так как отчуждается всегда само право, а не его объект» [15, с. 89].

Наряду с этим, имеются мнения о допустимости участия имущественных прав в гражданском обороте. Так, непосредственно ГКУ и ГК РФ рассматривают имущественные права в качестве объектов, их оборот допускается нормами о купле-продаже, о дарении, о залоге, об уступке, о финансировании под уступку денежного требования, о внесении в качестве вклада в уставный капитал юридических лиц, о коммерческой концессии, о договоре простого товарищества и др. Также Ш. М. Менглиев указывает, что «признание имущественных прав в качестве объекта обуславливается их свойством удовлетворять определенные потребности субъектов гражданских прав» [16, с. 15].

Для более полного исследования и достижения основной цели данной статьи нам предстоит выяснить правовую природу и содержание каждой из составных частей конструкции «право на право». Начать следует, пожалуй, с объекта изучаемой конструкции — того права, которое может быть объектом иного права. Основываясь на результатах изучения специальной литературы по данному вопросу и соответствующих норм ГКУ и ГК РФ,

мы приходим к выводу о том, что право-объект по своей правовой природе должно быть имущественным. Действительно, современные нормы гражданского законодательства наделяют признаком оборотоспособности лишь имущественные права в противовес личным неимущественным — тем, которые настолько тесно связаны с их носителями, что не могут существовать обособленно, «в отрыве» от их субъекта, поскольку в противном случае утрачивают свою значимость и ценность. Здесь следует согласиться с С. И. Скловским, указывающим, что личный характер права обнаруживается в том, что помимо его носителя право не может быть реализовано, что между правом и объектом этого права стоит автономная воля носителя права, его поведение, от которого ставится в зависимость состояние самого права [17, с. 34]. Именно поэтому не могут быть объектами гражданского оборота в смысле ст. 177 ГКУ и ст. 128 ГК РФ права на получение алиментов, права на компенсацию причиненного морального вреда, а также другие права, «являющиеся неотъемлемыми от физического или юридического лица» (ч. 1 ст. 178 ГКУ).

Имущественный характер субъективного гражданского права определяется учеными по-разному. Одни утверждают, что имущественное право — это потенциальная вещь или стоимостной ее эквивалент [18, с. 36]; другие говорят о том, что отношения могут квалифицироваться как имущественные не только в том случае, когда они складываются по поводу вещей, но и на основании того, что их результатом является получение экономических ценностей [19, с. 15]; третьи характеризуют имущественное право как принадлежащее управомоченному лицу благо идеального (нематериального) характера, выступающее, преимущественно, как право требования кредитора к должнику, которое может быть реализовано третьим лицом [20, с. 45]; четвертые понимают его как средство реализации имущественного интереса, имеющее денежную оценку, не присущее субъекту изначально в силу самого факта его существования и обладающее признаком отчуждаемости [21, с. 7]; и, наконец, пятые утверждают, что имущественные права участников правоотношений связаны с владением, пользованием и распоряжением имуществом, а также с теми материальными (имущественными) требованиями, которые возникают между участниками правоотношений в связи с распределением этого имущества и обменом (товарами, услугами, выполненными работами, деньгами, ценными бумагами и пр.) [22, с. 243].

Приведенный неполный перечень взглядов на природу имущественных прав по сути отражает лишь ту неопределенность, которая существует в категориальном аппарате современного гражданского законодательства. Еще к большей дестабилизации украинской научной мысли привело положение, содержащееся в ч. 2 ст. 190 ГКУ: «Имущественные права являются непотребляемой вещью. Имущественные права признаются вещными правами». Данные безапелляционные утверждения украинского законодателя опровергаются как им самим в последующих статьях ГКУ, так и доктринальными положениями цивилистики. Отметим также, что при комментировании данной статьи ученые и практики ограничиваются лишь констатацией существования такой нормы, не раскрывая ее сути.

Истоки признания прав вещами мы находим еще в Древнем Риме. Традиционной следует назвать точку зрения В. А. Краснокутского, отмечавшего, «что разделяя вещи на телесные и бестелесные, Гай разумеет под последними не вещи, в смысле предметов внешнего мира, а именно права» [23, с. 148]. Признание прав вещами было необходимо на определенном этапе развития юридической мысли. Субъективное право само по себе представлялось непередаваемым, однако в тот момент, когда оно превращалось в *res incorporalis*, открывалась возможность для его оборота. Таким образом, признание имущественного права вещью является фикцией в древнеримском праве. В дальнейшем, однако, произошел отказ от широкого понимания вещей. «Вещью является предмет материального мира, в отношении которого могут возникать гражданские права и обязанности» (ч. 1 ст. 179 ГКУ). В широком же смысле вместо слова «вещь» стали говорить об объектах гражданских прав или, когда речь идет о тех, которые пригодны к обороту — об имуществе. Имущественные права при таком подходе рассматриваются как самостоятельные объекты, *не имеющие ничего общего с вещами* (курсив наш. — В. В.).

Нормативное определение имущественных прав мы находим в Законе Украины «Об оценке имущества, имущественных прав и профессиональной оценочной деятельности в Украине» [24]. Согласно ст. 3 данного Закона, имущественными правами признаются любые права, связанные с имуществом, отличные от права собственности, в том числе права, являющиеся составными частями права собственности (право владения, пользования, распоряжения), а также другие специфические права (право на осуществление деятельности, использование природных ресурсов и т. п.) и права требования. На наш взгляд, данное определение, хоть и требует доработки с точки зрения юридической техники, однако на сегодняшний день его следует признать наиболее обоснованным и полным.

Анализ изложенного дает нам возможность выделить следующие **признаки имущественного права как объекта гражданских прав**: 1) выступает средством реализации имущественного интереса; 2) отчуждаемо, то есть тесно не связано с личностью его носителя; 3) обладает экономической ценностью, определяемой посредством денежной оценки самого права; 4) не является присущим субъекту изначально в силу самого факта его существования.

К сожалению, в современном российском законодательстве отсутствует какая-либо норма-дефиниция относительно имущественных прав, что дает широкий простор для исследований российских ученых в этой области. Как следствие, выводы российских коллег слишком часто оказываются диаметрально противоположными как друг другу, так и прямым предписаниям норм ГК РФ. Это, в свою очередь, приводит к глубокой затеоретизированности российских исследований, выводы которых хотя и содержат некоторые рациональные зерна, однако, как показывает российская практика, подобные умозаключения являются абсолютно неприменимыми и неадаптированными к правовой действительности РФ.

Отметим, что бухгалтерским аналогом таких имущественных прав следует считать нематериальные активы. Понятие «нематериальный актив»

приведено в Налоговом кодексе Украины [25]. Согласно п.п. 14.1.120 ст. 14 НКУ, нематериальный актив — право собственности на результаты интеллектуальной деятельности, в т. ч. промышленной собственности, а также иные аналогичные права, признанные объектом права собственности (интеллектуальной собственности), право пользования имуществом и имущественными правами плательщика налогов в установленном законодательством порядке, в т. ч. приобретенные в установленном законодательством порядке права пользования природными ресурсами, имуществом и имущественными правами. То есть НКУ нематериальным активом признает права, которые в т. ч. должны быть аналогичными правам интеллектуальной собственности.

Если подобное понимание имущественного права в Украине встречено всеобщим молчаливым принятием, то в РФ в связи с новой редакцией ст. 155 НК РФ возможность включения в состав имущественных прав интеллектуальной собственности поддается жесткой критике на протяжении последнего десятилетия [см. напр.: 21, с. 7; 22, с. 47].

Сегодня также достаточно остро стоит вопрос о признании объектами гражданских правоотношений прав вещных и о допустимости отчуждения этих прав в отрыве от вещи. Тезис о возможности вещных прав становиться объектом субъективного гражданского права¹ также подвергается критике со стороны российских ученых, большинство из которых отстаивают позицию, согласно которой лишь обязательственные имущественные права могут «отрываться» от своего носителя и становиться оборотоспособными. Так, по мнению А. Е. Суханова, «в состав имущества включаются не только вещи, но и имущественные права, в том числе права корпоративного характера (вытекающие из членства в коммерческих и некоторых некоммерческих организациях), права требования и пользования обязательственно-правового характера (вытекающие из сделок и некоторых других юридических фактов и входящие в содержание обязательств) и имущественные права (правомочия), находящиеся в составе исключительных прав» [27, с. 87]. С. А. Яковлев, в свою очередь, утверждает, что «имущественные права, за исключением прав вещных, могут являться самостоятельным объектом гражданских правоотношений, поскольку удовлетворяют всем признакам объекта гражданского правоотношения» [21, с. 14].

Для опровержения указанной позиции нам снова стоит обратиться к древнеримским идеям и их воплощению в современную жизнь. Как указывалось выше, применение к имущественному праву фикции вещи привело, в частности, к широкому распространению в Древнем Риме оборота суперфиция. Поскольку даже достаточно развитое римское право долго требовало делегации или процессуального представительства — далеко не самых удобных средств для передачи прав, то оборот вещных прав и, в особенности, суперфиция, заменявшего в Риме оборот строений независимо от земли, на которой они расположены, имел, по мнению Е. Бариновой, ши-

¹ Оставляя за пределами данного исследования дискуссионный вопрос о соотношении терминов «объект права» и «объект правоотношения», отметим лишь, что мы являемся сторонниками позиции разграничения этих двух понятий.

рокое распространение, учитывая практическое отсутствие ограничений на распоряжение суперфициарным правом [28, с. 16].

Играющее функционально ту же роль в современных Украине и России, право пользования земельным участком, предоставляемое собственнику стоящей на нем недвижимости, также может переходить от одного лица к другому с тем лишь ограничением, что такой переход возможен не сам по себе, а лишь с правом собственности на саму недвижимость (см.: ч. 1 ст. 415 ГКУ, ч. 2 ст. 271 ГК РФ). Такое положение дает основания А. Н. Латыеву считать подобное право пользования не самостоятельным объектом, а «своеобразной не вещной принадлежностью недвижимого имущества» [29, с. 22]. Подобные выводы он делает и в отношении сервитутных прав, также способных переходить от одного субъекта к другому вместе с переходом права собственности на недвижимое имущество, для обеспечения использования которого сервитут установлен — ч. 2 ст. 275 ГК РФ (аналогично см. ч. 6 ст. 403 ГКУ). Украинское законодательство, напротив, устанавливает возможность существования вещных прав на чужое имущество в качестве самостоятельных объектов некоторых сделок (договора, завещания) — свободного волеизъявления правообладателя (см. напр., ч. 2 ст. 407, ч. 2 ст. 413 ГКУ), за исключением сервитута (ч. 4 ст. 403 ГКУ).

В пользу возможности вещных прав быть объектами иных гражданских прав говорят положения действующего законодательства о залоге (ипотеке). В контексте данного вопроса представляет интерес норма ст. 5 Закона Украины «Об ипотеке» о том, что предметом ипотеки может быть право аренды или пользования недвижимым имуществом, предоставляющее арендатору или пользователю право строить, владеть и отчуждать объекты недвижимого имущества. Такое право аренды или пользования недвижимым имуществом для целей Закона считается недвижимым имуществом [30, ч. 7 ст. 5]. Таким образом, право застройки по суперфициарному договору и право пользования по договору аренды могут быть предметом залога. Однако в таком случае они должны рассматриваться, по мнению украинского законодателя, как недвижимость. С таким утверждением законодателя согласиться достаточно сложно [подробнее об этом см., напр., 31]. В России, в силу ст. 5 Федерального Закона РФ «Об ипотеке» [32], имуществом, которое может быть предметом ипотеки, могут быть только недвижимые вещи. В то же время ч. 1 ст. 336 ГК РФ предусматривает, что предметом залога могут быть и имущественные права, уточняя, правда, при этом, что к таковым относятся права требования. Тем самым российский законодатель не только ограничил оборотоспособность, но и практически сделал невозможным залог отличных от права собственности вещных прав.

В случае поднайма (ст. 774 ГКУ, ч. 2 ст. 615 ГК РФ), а также при внесении права аренды в уставный капитал юридического лица, объектом как прав, так и правоотношений могут выступать и арендные права.

В хозяйственной практике достаточно распространены случаи передачи в уставной капитал хозяйственных обществ права пользования имуществом на определенный срок. Такое право, являясь производным вещным

правом, приобретает самостоятельное значение, т.к. в уставной капитал общества вносится не вещь и не ее стоимость, а только денежный эквивалент права пользования этой вещью. Как следствие, собственником такого эквивалента становится само общество. Реализуется же это имущественное право путем непосредственного использования вещи в течение установленного срока. С выходом (исключением) участника из общества прекращается и самостоятельное имущественное право как объект правоотношений. Между бывшим участником общества и самим обществом складываются классические обязательственные отношения найма (аренды) определенной вещи.

Особого внимания заслуживает изучение позиции многих теоретиков и практиков относительно возможности корпоративных прав выступать объектом гражданских правоотношений. Так, Т. М. Колотилова верно указывает, что, исходя из понятия корпоративных прав, данного в ст. 167 Хозяйственного кодекса Украины [33], они «виникають в особи, яка в обмін на майнову участь у господарській організації одержує право на частку в статутному капіталі (майні) такої організації» [34]. Как следствие, корпоративные права являются одним из видов имущественных прав, непосредственно связанных с имуществом, и *не могут отчуждаться отдельно от имущества* (курсив наш. — В. В.). Российский ученый А. Н. Латыев справедливо отмечает, что оборот указанных прав в разной мере осложнен особыми правилами корпоративного права. «Лишь будучи воплощено в акцию открытого акционерного общества такое право становится неограниченно оборотоспособным, а в случае, когда оно остается только правом, не приобретая через посредство ценной бумаги качеств вещи, даже наиболее либеральный режим, предусмотренный для оборота долей в капитале общества с ограниченной ответственностью, предполагает применение правил о преимущественной покупке доли другими участниками общества (ч. 2 ст. 93 ГК РФ)» [29, с. 30]. Действительно, российское законодательство в отдельных случаях для перехода такого рода прав требует согласие самого юридического лица (абз. 2 ч. 3 ст. 111 ГК РФ) или других его участников (абз. 1 ст. 79 ГК РФ). Аналогичные нормы содержатся и в украинском законодательстве (абз. 2 ч. 3 ст. 166, ч. 1 ст. 127 ГКУ). Кроме того, возможность перехода таких прав вообще может быть исключена учредительными документами юридического лица. По мнению А. Н. Латыева, лишь в этом последнем случае они утрачивают качество объекта прав. С обеими точками зрения трудно согласиться, принимая во внимание как саму аргументацию украинского и российского авторов, так и признаки имущественных прав, указанные нами выше. В упомянутых случаях **речь следует вести о таком виде имущества, как доля (пай) в уставном (складочном) капитале хозяйственного общества как объекте отчуждения (передачи)**. Ведь даже законодатель, на наш взгляд, умышленно и достаточно обоснованно, избегает использования таких терминов как «передача корпоративных прав», «отчуждение корпоративных прав» и т. п.

В принципе не может быть объектом гражданского права лишь основное вещное право — право собственности, что объясняется большинством

ученых тем, что оно отождествляется с самим имуществом, на которое право собственности установлено. Говоря об отчуждении вещи, мы всегда имеем в виду именно передачу (переход) права собственности на нее. Как следствие, и попытка установления какого-либо права на право собственности представляла бы собой, как удачно заметил В. А. Лапач, «совершенно ненужное удвоение» [18, с. 42], поскольку оно ничем бы не отличалось от самого права собственности, имеющего своим объектом непосредственно вещь.

Все вышеизложенное позволяет сделать нам **два основополагающих вывода** относительно правовой природы имущественного права как объекта гражданского права. Во-первых, оснований для отождествления имущественного права с вещами не дают ни действующее законодательство, ни наука гражданского права. Во-вторых, к числу имущественных, могущих быть объектами гражданских прав, относятся вещные, обязательственные и имущественные права интеллектуальной собственности. Ярким примером последнего утверждения могут служить нормы о предмете договора управления имуществом (ч. 2 ст. 1030 ГКУ, ч. 1 ст. 1013 ГК РФ).

Определив особенности имущественного права как потенциального объекта гражданского права, обратимся к изучению правовой природы первой составляющей конструкции «право на право».

По мнению А. В. Трофименко, субъективные права не следует рассматривать в качестве объектов абсолютных прав, в противном случае может сложиться ситуация, при которой возникнет множество абсолютных прав, каждое последующее из которых будет являться объектом предыдущего [19, с. 33]. Исключениями служат право доверительной собственности (ч. 2 ст. 316 ГКУ, ч. 4 ст. 209 ГК РФ) и субъективное наследственное право (ст. 1218 ГКУ, ст. 1112 ГК РФ). При этом оба указанных абсолютных права ограничены в своем существовании временным сроком, который устанавливается в первом случае договором или законом, а во втором — законом. В случае, если объект такого права безусловно перестает существовать до того, как установленное на него право прекратится, то по аналогии должны применяться нормы о прекращении права собственности вследствие гибели (уничтожения) вещи (п. 4 ч. 1 ст. 346 ГКУ, ч. 1 ст. 235 ГК РФ). Подобное невозможно в относительном правоотношении, в частности, в обязательственном: даже смерть обязанного субъекта не лишает управомоченное лицо права на предоставление, к которому становятся обязанными правопреемники.

Продолжая анализ возможности установления абсолютных прав на имущественные, остановимся на рассмотрении вопроса о возможности имущественного права быть объектом права собственности. Утвердительно отвечают М. И. Брагинский [35, с. 83], И. Гумаров [36, с. 81], Л. Г. Ефимова [37, с. 39] и Н. Федоренко [38, с. 15]. Однако в таком случае право собственности и имущественное право — объект несколько бы друг от друга не отличались — их содержания совпадали бы. Так, статус «собственника» права требования не отличается от статуса кредитора по этому требованию, «собственник» залогового права есть никто иной, как залогодержатель,

а «собственник» доли в уставном капитале хозяйственного общества — участник этого общества. Таким образом, следует снова согласиться с доводами А. Н. Латыева относительно того, что «право собственности на право» представляет совершенно ненужное удвоение, как и при попытке сконструировать «право на право собственности». В результате подобных размышлений ученый приходит к обоснованному выводу: «конструкция «право на право» не только допустима, но и необходима, если только не забывать того, что ни в левой, ни в правой части этой формулы не может фигурировать право собственности» [29, с. 32].

Вышеизложенное позволяет нам сделать следующие **выводы**. Во-первых, имущественное право может быть объектом лишь некоторых абсолютных прав (права доверительной собственности и наследственного права). В большинстве случаев оно выступает объектом относительных прав.

Во-вторых, конструкция «право на право» может существовать лишь в ограниченном временном промежутке. При этом срок ее существования определяется либо сроком существования абсолютного или обязательственного права, объектом которых является имущественное право, либо сроком существования имущественного права — объекта абсолютного права. Иными словами, имущественное право, являющееся объектом гражданского правоотношения, должно существовать достаточно продолжительный период времени, а именно не менее того срока, в течение которого длится само гражданское правоотношение.

Жизнь права-объекта в рамках правоотношения отличается от его жизни вне такого отношения. В результате правопреемства (наследования, реорганизации юридического лица, цессии) первое право «отпадает» (прекращает свое существование), как бы оставляя право-объект существовать в качестве самостоятельного субъективного права уже нового субъекта. При этом содержание права-объекта остается неизменным в начале правопреемства, при самом переходе и в момент его прекращения.

Являясь объектом договорного правоотношения, имущественное право-объект при надлежащем исполнении договорного обязательства трансформируется в субъективное гражданское право. При этом содержание права-объекта также остается неизменным как в начале договорного обязательства, так и в процессе его динамики. Часто в литературе встречаются суждения о том, что к купле-продаже имущественного права должны применяться нормы о цессии (ст.ст. 512–519 ГКУ, § 1 Главы 24 ГК РФ) [19, с. 13]. Также существует мнение, что продажа прав требования денежного характера, вытекающих из договоров о передаче товаров, выполнении работ или оказании услуг, осуществляется в форме договора об уступке денежного требования, а не купле-продажи; предметом продажи могут быть права требования натурального характера из договоров и внедоговорных обязательств [39, с. 12]. В договоре купли-продажи имущественного права право требования, как предмет договора, оценивается по общему положению соглашением сторон, и уже поэтому его нельзя подводить под механизм перемены лиц в обязательстве. Ведь цена права требования может изменяться в зависимости от рыночной конъюнктуры. Согласимся с

мнением В. А. Лапача о том, что данное положение не должно относиться к безвозмездным сделкам по поводу имущественных прав (например, к договору дарения, в соответствии с которым даритель передает одаряемому имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу [18, с. 36].

Подводя итог изложенному, отметим, что имущественные права сегодня стали полноправным товаром и обладают такими общественными качествами, как потребительская стоимость и денежная оценка, чем обуславливается их возможность быть объектом гражданско-правовых отношений. Благодаря усилиям украинского и российского законодателя имущественные права можно уступить, заложить, передать в пользование, в доверительное управление, как и все другие объекты гражданских прав, при помощи гражданско-правовых сделок, в результате которых образуется конструкция «право на право». С точки зрения теории гражданского права, **конструкция «право на право» является юридической фикцией**. Не вызывает сомнения, что нельзя фактически передать отдельно взятое субъективное право из рук в руки как какую-либо материальную вещь, но это не означает, что субъективные права не могут передаваться. Именно используемая в данном случае фикция позволяет осуществить данный перевод (переход).

Литература

1. Советское гражданское право : в 2 т. Т. 1 / К. К. Лебедев, В. А. Мусин, Е. А. Поссе и др. ; под ред. В. Т. Смирнова, Ю. К. Толстого, А. К. Юрченко. — Л. : ЛГУ, 1982. — 414 с.
2. Цивільний кодекс України : закон України від 16 січня 2003 року // Відомості Верховної Ради України. — 2003. — № 40–44. — Ст. 356.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1, 2, 3. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. — 1122 с.
4. Брагинский М. И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений / М. И. Брагинский // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика : сборник статей памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. — М., 1998. — 298 с.
5. Bekker E. I. System des heutigen Pandektenrechts / E. I. Bekker. — Erster Band. — Weimar : Hermann Buhlau, 1886. — 264 s.
6. Leonhard F. A. Ugemeines Schuldrecht des BGB / F. Leonhard. — Munchen und Leipzig, 1929. — Bd. 1. — 135 s.
7. Bierling E. R. Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe / E. R. Bierling. — Erster Band. — Gotha, Perthes, 1877. — 562 s.
8. Regelsberger F. Pandekten. (Systematisches Handbuch der deutschen Rechtswissenschaft) / F. Regelsberger. — Leipzig : Verlag von Duncker und Humblot, 1893. — Band 1. — 579 s.
9. Эннекдерус Л. Курс германского гражданского права / Л. Эннекдерус. — М. : Инстр. лит., 1950. — Т. 1. — Полумтом 1. — 483 с.
10. Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота / В. В. Байбак. — М. : Статут, 2005. — 222.
11. Василевская Л. Ю. Особенности конструкции «право на право» в германском законодательстве / Л. Ю. Василевская // Право и политика. — 2003. — № 8. — С. 26–43.
12. Василевская Л. Ю. Вещные сделки по германскому праву: методология гражданско-правового регулирования : дисс. ... докт. юрид. наук. : 12.00.03. / Л. Ю. Василевская. — Москва, 2004. — 578 с.
13. Белов В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве : опыт исторического исследования, теоретической и догматической конструкции и обобщения российской судебной практики / В. А. Белов. — 2-е изд., стереотип. — М. : ЮриИнфоР, 2001. — 265 с.

14. Власова А. С. Структура субъективного гражданского права [Электронный ресурс] / А. С. Власова. — Электрон. дан. (1 файл). — Режим доступа: <http://www.lawbook.by.ru>. — Заглавие с домашней страницы Интернета.
15. Рыбалов А. О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. О. Рыбалов. — СПб., 2007. — 221 с.
16. Менглиев Ш. Имущественные права как объект права и правоотношения / Ш. Менглиев // Юрист. — 2004. — № 9. — С. 12–18.
17. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве: Учеб.-практ. пособие / К. И. Скловский. — 2-е изд. — М.: Дело, 2000. — 512 с.
18. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / В. А. Лапач. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 544 с.
19. Трофименко А. В. Проблемы теории нематериальных объектов: гражданско-правовой аспект : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. : 12.00.03 / А. В. Трофименко. — Саратов, 2004. — 45 с.
20. Джабаева А. С. Имущественное право как объект гражданского оборота / А. С. Джабаева // Сибирский юридический вестник. — 2003. — № 3. — С. 44–49.
21. Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. С. Яковлев. — Воронеж, 2003. — 26 с.
22. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Инфра-М, 2002. — 704 с.
23. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. — М. : Юрист, 2000. — 544 с.
24. Про оцінку майна, майнових прав та професійну оціночну діяльність в Україні: закон України від 12.07.2001 // ВВР. — 2001. — № 47. — Ст. 251.
25. Податковий кодекс України: закон України від 02.12.2010 // ВВР. — 2011. — № 13, / № 13–14, № 15–16, № 17. — Ст. 112.
26. Рыбаков В. В. Обязательственное имущественное право как объект гражданского оборота // Гражданское право. — 2008. — № 12. — С. 45–51.
27. Гражданское право : в 2 т. : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : БЕК, 2000. — Т. 1. — 816 с.
28. Баринаева Е. Вещные права — самостоятельная категория? / Е. Баринаева // Хозяйство и право. — 2002. — № 7–8. — С. 15–18.
29. Латыев А. Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Н. Латыев. — Екатеринбург, 2004. — 212 с.
30. Про іпотеку: закон України від 05.06.2003 // ВВР. — 2003. — № 38. — Ст. 313.
31. Вагинский Е. Особенности правового регулирования застройки на чужом земельном участке / Е. Вагинский // Юридическая практика. — 2007. — № 23. — С. 12–14.
32. Об ипотеке (залоге недвижимости): федеральный закон Российской Федерации от 16.07.1998 // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 29. — Ст. 3400.
33. Господарський кодекс України: закон України від 16.01.2003 // ВВР. — 2003. — № 18. — Ст. 144.
34. Колотилова Т. М. Порядок посвідчення правочинів щодо відчуження частки в Статутному фонді / Т. М. Колотилова [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. (1 файл). — Режим доступа: <http://www.just.gov.ua>. — Назва з екрана.
35. Брагинский М. И. Гражданский кодекс и объекты права собственности / М. И. Брагинский // Журнал российского права. — 1997. — № 11. — С. 81–90.
36. Гумаров И. Понятие вещи в современном гражданском праве России / И. Гумаров // Хозяйство и право. — 2000. — № 3. — С. 80–85.
37. Ефимова Л. Г. О соотношении вещных и обязательственных прав / Л. Г. Ефимова // Государство и право. — 1998. — № 10. — С. 35–41.
38. Федоренко Н. Особенности оборота имущественных прав / Н. Федоренко // Хозяйство и право. — 2001. — № 11. — С. 13–18.
39. Гражданское право : Т. 2 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М. : Проспект, 1997. — 488 с.

В. В. Валах

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра цивільно-правових дисциплін
Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна,
Юридична агенція «С. В. С.»
вул. Одеська, 43-а, Одеса, 65031, Україна

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЕ ОБҐРУНТУВАННЯ ІСНУВАННЯ
КОНСТРУКЦІЇ «ПРАВО НА ПРАВО» В УКРАЇНСЬКОМУ
ТА РОСІЙСЬКОМУ ЦИВІЛЬНОМУ ПРАВІ**

Резюме

Чинні український та російський цивільні кодекси містять низку норм, присвячених правочинам, які забезпечують обігоздатність майнових прав. Створена таким чином конструкція «право на право» викликає гострі дискусії з боку науковців і практиків. На підставі аналізу доктринальних положень цивілістики та норм чинного цивільного законодавства зроблено спробу знайти раціональне обґрунтування необхідності та доцільності існування подібної конструкції як юридичної фікції в сучасному цивільному праві України та Росії.

Ключові слова: конструкція «право на право», майнове право, майнове право-об'єкт, юридична фікція.

V. V. Valakh

Odessa I. I. Mechnikov National University,
The Department of Civil Law Disciplines
Frantsuzskiy Boulevard, 24/26, Odessa, 65058, Ukraine
Legal Agency «S. V. S.»
Odesskaya str., 43-a, Odessa, 65031, Ukraine

**THEORETICAL AND LEGAL GROUND OF «RIGHT ON RIGHT»
CONSTRUCTION EXISTENCE IN UKRAINIAN
AND RUSSIAN CIVIL LAW**

Summary

In the article on the basis of doctrine positions and norms of current Ukrainian and Russian legislation the grounded conclusions about the necessity of confession of «right on right» construction as a legal fiction are done. Understanding the essence of such fiction will help theorists and practitioners to find an application for established by law «right on right» construction.

Key words: «right on right» construction, property right, property right-object, legal fiction.